

## ДОРОГА В НИКУДА

**«Я в течение длительного времени добивался выезда на постоянное место жительства в Федеративную Республику Германию»** — так начинается письмо в редакцию «Волгоградской правды», написанное человеком, который целью своей жизни поставил разрыв с Родиной, оказавшейся, по его мнению, не слишком щедрой на различные жизненные блага. Прошло время — он много пережил и передумал. И вот — это письмо.

Мы беседуем с ним в небольшой комнате. Он говорит тихо, делает продолжительные паузы. Большие глаза, на стриженной голове уже отрос седой ежик волос. Одет в форменную одежду, на кармане черной куртки вышито: Гетте Яков Иванович. Разговор дается ему нелегко.

Большую часть своей жизни он прожил и проработал на селе. В совхозе «Иловлинский» Камышинского района его знали как неплохого работника. Не сказать, чтобы у Якова Ивановича была легкая и безбедная жизнь — все-таки растил четверых детей. Однако и не бедствовал. Все началось с происшествия, которое можно было бы отнести к разряду мелких и незначительных, если бы оно не оказало совершенно неожиданного и несоразмерного по масштабам воздействия на Гетте. Не вдаваясь в подробности, отмечу, что был неправ тогдашний участковый, который явно превысил свои административные полномочия, за что, кстати говоря, и был наказан. Но Якова Ивановича с того дня словно подменили. Ни с того ни с сего он объяснил для себя чрезмерное усердие участкового какими-то антинемецкими настроениями. Забегая вперед, отмечу, что и в дальнейшем все свои личные неудачи Гетте стал связывать с якобы имеющими место ущемлениями прав немецкого населения.

Он запустил работу, что, естественно, не понравилось администрации совхоза, которая потребовала исправного исполнения обязанностей. Это справедливое требование в несколько измененном виде было занесено в список обид, составлявшийся Яковым Ивановичем с прилежанием, достойным лучшего применения. Кстати, жене и детям его поведение тоже не понравилось.

Затем Яков Иванович с семьей вообще уехал из села. Обосновался в Камышине. Подолгу на одном месте не работал, его

не устраивали то условия труда, то заработная плата, то выделенное жилье.

Каждый уход с очередного места работы уже автоматически сопровождался пополнением списка «обид», и в какой-то момент появилась мысль — не попытаться ли счастья на «родине предков», тем более, что о целесообразности такого шага ему усиленно нашептывали различного рода «доброжелатели».

**«Возможно, эти мысли и остались бы таковыми, не подались я ими со своими знакомыми: В. Бартули, А. Пинекером, В. Файт и другими. Меня стали убеждать, что для выезда за рубеж не обязательно иметь там близких родственников. Главное — надоедать своими просьбами властям...»** Эти строчки Гетте напишет потом и сурово осудит свою наивность. А тогда он точно губка впитывал в себя все, что пели ему в уши различные голоса в кавычках и без оных.

Уговоры товарищей по работе он уже не воспринимал, на протесты семьи не обращал внимания. Он упрямо шел к цели, тогда еще не сознавая ее ложности.

Поставленная цель требует действий. Добиваться ее можно по-разному. Например, в фильме Р. Быкова «Айболит-69» троица персонажей направилась к цели кружным путем. Под забавную песенку с отнюдь не забавным рефреном «нормальные герои всегда идут в обход» эта троица по дороге попадала в различные передрыги: падала с круч и барахталась в грязи, вязла в болотах и тонула в реках. Нормальный путь «нормальных героев». Именно его и выбрал для себя Яков Иванович.

Для выезда из СССР за границу на постоянное место жительства нужны соответствующие основания. Это не прихоть «закрытого» общества, это вполне объяснимая и необходимая норма, существующая, кстати, в таком же или похожем виде во всех странах, в том числе, и капиталистических. Так вот, данных оснований у Гетте не было. Однако он по подсказке «друзей» повел себя в полном соответствии с уставом «нормальных героев».

— Мне бы плюнуть на все свои «старания» выехать в ФРГ и заняться делом, — сетует он сейчас, — но «друзья» утверждали, что их стремление любыми путями покинуть СССР поддерживают западные корреспонденты и некоторые сотрудники посольства ФРГ. А чтобы они более усердно «хлопотали» о нашем выезде, желательно организовать «демонстрации» у посольства Западной Германии или в других местах, которые укажут иностранные

корреспонденты или сотрудники посольства. Что мы и делали.

Да, они делали это. Гетте и группа его единомышленников. Помимо «демонстраций», они, выполняя указания зарубежных доброхотов, налегали на провоцирование милиционеров, охраняющих посольство. Явно обрадованные корреспонденты западных газет торопливо нащелкивали кадры, и затем какое-нибудь издание или радиоголос начинали заунывно причитать о «попранных национальных правах немцев в СССР».

Гетте пытались усовестить, но он продолжал свой путь, не замечая или не желая замечать, что все больше падает в глазах земляков и барахтается в грязи измышлений, вязнет в надуманных конфликтах и тонет во лжи. Он продолжал путь, который давно уже превратился в бег по кругу. В этом движении в никуда была своя логика. Следуя ей, Яков Иванович неизбежно должен был столкнуться с законом. И столкнулся. Два года назад он устроил драку с милиционером у посольства ФРГ и тогда же был осужден к лишению свободы. За границей подала было голос одна газетенка о появлении еще одного «политзаключенного» в СССР, но слаженного хора не получилось, уж больно ясны были уголовные мотивы приговора.

С тех пор времени прошло немало. В своем письме, в беседе со мной Яков Иванович рассказал о том, что волновало и мучило его все эти годы. Тяжело признавать бесполезным и никому не нужным целый период своей жизни. Он сделал это. Наверное, он все равно пришел бы к такому выводу. Просто потому, что его «теория», которую он проповедовал, была круто замешана на лжи и самообмане, а потому и цель, которой он добивался, в конечном счете не отвечала его же жизненным интересам, и путь, которым он шел, не мог не привести в тупик. В этом смысле его глубоко по-человечески жаль.

Совсем иные чувства вызывают действия тех, кто в немалой степени способствовал падению Гетте и других, подобных ему. В своем письме Яков Иванович назвал их иудами, исправно отрабатывающими свои сребреники. Резкая, но во многом справедливая оценка. В самом деле, заставляя человека позировать перед объективами иностранных корреспондентов, чтобы они имели «материал» для клеветы на нашу страну, само по себе неприглядно. Но кое-кому за рубежом выгодно сеять рознь между народами СССР, ведь мы тогда по их замыслам должны оказаться слабее, чем есть. А это уже политика. Грязная, положим,

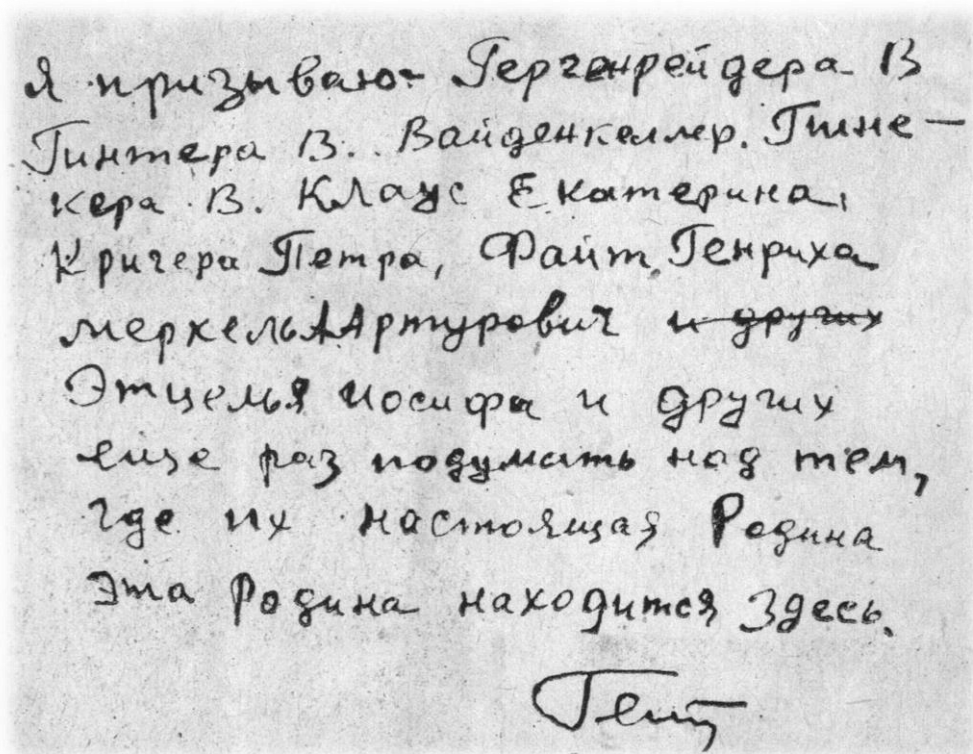
но политика. Таким образом, Яков Иванович и ему подобные оказываются просто пешками в политической игре, после окончания которой их выбрасывают за ненадобностью.

Хоть и с некоторым опозданием, но Гетте и сам понял это, понял и сделал для себя вывод: **«Трезво оценивая пережитое, я не могу предъявить никакой вины Советской Родине, так как ни я, ни какой-либо другой знакомый мне немец никогда не ущемлялся в гражданских правах. Во всем, что случилось, виноват я сам, а также те, кто подталкивал меня к совершению необдуманных поступков: сотрудники посольства ФРГ, западные корреспонденты и мои бывшие единомышленники Пинекер, Файт, Гекке, Граф, Шлик, Гинтер и другие, — те, кто стремится превратить жизни и судьбы советских немцев в разменную монету для достижения своих корыстных политических целей».**

То, что Яков Иванович в один ряд с закордонными «заступниками» поставил и своих бывших «друзей», конечно же не случайно, их роль в его судьбе выглядит весьма неприглядно. Толкая его на провокационные действия, сами они оставались в стороне. Тот же А. Пинекер обеспечивал присутствие иностранных корреспондентов, заранее извещая их о намечающемся мероприятии. Ну а чтобы оно, упаси бог, не сорвалось, соответствующим образом «накачивал» Якова Ивановича, заставлял вместе с Гетте действовать свою жену и даже несовершеннолетнюю дочь, а сам оставался в роли наблюдателя. Механика провокации, как видим, проста и действительно известна еще со времен Иуды, тем не менее, она дает возможность держаться на поверхности политикам определенного пошиба. То, что при этом растаптываются судьбы и души людей, мало кого волнует. В большой лжи нет места мелким, «сантиментам».

...У Якова Ивановича есть самодельный календарик в блокноте из грубой оберточной бумаги. В нем он аккуратно зачеркивает прожитые дни. Строго говоря, он вправе зачеркнуть не только время, проведенное в местах лишения свободы, но и годы, потраченные на бессмысленную борьбу, как оказалось, с самим собой. У него было далеко не розовое прошлое, сейчас у него очень не простое настоящее. Каким будет будущее, зависит только от него.

А для того, чтобы подобное не случилось с другими, Яков Иванович закончил свое письмо так (воспроизводим факсимиле оригинала):



Я призываю Герценрейдера В  
Тинтера В. Вайденталлер. Тинне-  
кера В. Клаус Екатерина,  
Кригера Петра, Райт, Генриха  
Мерхель Артурович и других  
Отцелья Иосифа и других  
Еще раз подумать над тем,  
где их настоящая Родина  
Эта Родина находится здесь.

Тинт

В последнее время ему все чаще и чаще снится один и тот же сон. Будто он дома, в Камышине. Выходит рано утром на берег Волги, дышит и никак не может надышаться чистым свежим воздухом. Да и можно разве надышаться воздухом Родины?..

**В. АПАЛИКОВ**

«Волгоградская правда», 14 августа 1986 г.